

является церковным мероприятием». Ещё дальше председатель ОВЦС зашёл в своём основном докладе, заявив:

«Мы должны осознать, что все, кто призывает нас к национально-религиозной обособленности, на самом деле просто хотят, чтобы Россия как великое государство более не существовала. Всё это не просто безответственное фантазирование, не просто конструирование абстрактных философских схем, это взрывоопасные идеи, которые могут обернуться катастрофой для нашей страны... Любовь к своему народу, религии, не должна ограничивать приятие и доброе отношение к представителям других взглядов. Истинный патриотизм не пренебрегает духовными достижениями иных стран и народов, он стремится постигнуть и усвоить их, чтобы обогатить свою культуру».

Приятно завершать доклад на оптимистической ноте. Нельзя, однако, не добавить: за хорошими словами должны следовать такие же добрые дела. Властные структуры России должны соблюдать первую в нашей истории Конституцию правового государства. Самая крупная религиозная структура страны - Русская Православная Церковь - должна следовать Основам своей социальной концепции, не вмешиваясь в дела государства и не допуская вмешательства государства в свои собственные внутренние дела. Всеми российскому обществу предстоит научиться жить в условиях данной ему 20 лет назад свободы выбора и не ошибиться в этом выборе.

Михаил СИТНИКОВ (Москва, РОССИЯ)

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ МУТАЦИЯ?

Разумеется, что столь откровенная манифестация в заголовке обязывает к всестороннему и серьезному исследованию на эту тему. Рано или поздно подобное, вероятно, кем-то будет осуществлено. Ведь реалии постмодерного периода в развитии всей религиозной сферы нашей жизни заявляют о себе достаточно громко. Причем, сразу во всех своих проявлениях - информационных, общественно-политических, социально-психологических, доктринальных и так далее. Серьезные качественные изменения самой религиозности и ее восприятия в секулярном обществе и противоречивые процессы, происходящие внутри самих религиозных институтов, позволяют говорить о вступлении в пору одного из наиболее серьезных религиозных кризисов на уровне общественного сознания за весь период обозримой истории.

Нетрудно заметить, что страны постсоциалистического, а тем более постсоветского пространства становятся одним из эпицентров этого кризиса. Это не должно особо удивлять, потому что именно они в XX веке оказались главным полем исторического эксперимента, начавшегося с опытов большевизма и фашизма. Он продолжается и ныне, принимая форму неуклонного обострения противостояния между множеством деструктивных и конструктивных идеологем современности. С одной стороны, мы видим лавинообразные тенденции в сторону традиционализма во всем многообразии, а часто и парадоксальности его проявлений. С другой – тенденции к поиску выхода из растущего клубка все более осознаваемых всеми и общих для всех проблем: экологических, демографических, геополитических и целого комплекса социальных. Понятно, что религиозные планы общественного и личного человеческого сознания оказываются в этих условиях на переднем краю. В результате же, мы видим, как все большую актуальность где бы то ни было приобретает тот самый религиозный фактор, о котором в ушедшем веке почти забыли, оставив ему разве что декоративную представительскую роль, придающую

некую пикантность политическим процессам. На постсоветском пространстве все это проявлялось наиболее ярко.

Но вдруг, где-то на переломе тысячелетий, миллионы людей начинают искренне гореть идеями возрождения святой Руси и великой Державы под флагом православия, а в Азии и Европе все громче заявляет о себе стихийное движение, апеллирующее к идее возрождения ислама и приведения под его спасительные знамена всего человечества. Эти наиболее отчетливые «параллельные ординаты» с использованием более или менее экстремистских аргументов, но одинаково энергично присовокупляются к политическим процессам – используются разными политическими силами, участвуют в информационных и социальных инициативах или овладевают ими, предлагают себя в качестве генераторов эрзац-идеологий, используют нужду в себе политических сил и государственных аппаратов для извлечения своих институциональных выгод.

В России в качестве одной из таких «ординат» выступает официальное православие, представленное самой крупной религиозной организацией страны Русской Православной Церковью – Московской Патриархией. Именно вокруг нее, как некоего центра притяжения, вращаются разномастные околоцерковные политизированные группировки, именно к ее, формально независимому от власти институту апеллируют политические движения от либералов до фашистов, на нее ссылаются или уповают государство и общество, от нее ожидают «слова» верующие и неверующие.

Однако, все это, как видим, лишь верхний слой. То есть, просто наиболее заметные, если не сказать - «назойливо кричащие» проявления религиозности в сиюминутных общественно-политических играх. Но, что же сама религиозность? Ведь и вся многомиллионная масса людей, участвующих в меру своих представлений в возрождении «православной» или «великой» державы, и отдельные группы россиян, так или иначе учитывающие религиозные аргументы, являются носителями религиозности. Но какой?

Даже, если исходить из того, что мы говорим в первую очередь о российской православной религиозности, то - разной. Потому что общий уровень представлений в стране о христианстве и о его восточной форме – православии, в силу совершенно естественных причин, к настоящему времени оказывается крайне низким. Существование локальных духовных школ в пределах Московской Патриархии, учрежденной большевиками в 1943 году, десятилетиями обеспечивало подготовку священнослужителей только для использования их в приходах. Религиозная литература издавалась лишь в последние годы существования СССР, исследований в области истории церкви, богословия, а тем более религии в широком смысле не велось вообще, контакты с зарубежными богословскими и религиозноведческими школами были строго ограничены. Духовные семинарии и академии, ориентированные на воспроизведение управляемых властью церковных кадров для удовлетворения «культовых потребностей населения», заведомо не должны были являться очагами религиозного просвещения. Как ни парадоксально, но основную массу академических сведений о религии люди могли почерпнуть из антирелигиозной литературы, скажем, о содержании Библии из книг З.Косидовского «Библейские сказания» и Е. Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Но количество таких людей в стране, понятно, исчислялось единицами. Основная же масса населения поколениями обвыкалась с той ситуацией, при которой система гарантированно удовлетворяла их религиозные нужды так же, как и гастрономические. Разница лишь в том, что в магазинах всегда можно было купить или достать колбасу, а в храмах – «отстоять» литургию и всенощную, «поисповедоваться», отпеть покойника и т.д.

После конституционной декларации свободы совести и вероисповедания, проявлениям религиозности, на первый взгляд, ничто уже не препятствовало. Но религиозная традиция, как обязательное условие развития религиозной культуры, оказалась к тому времени давно уже крайне деформированной. Тем не менее, официальный православный институт энергично принялся за «возрождение» традиций,

которые уцелели, в основном, лишь в виде отправления культа, то есть того, что было названо вскоре обрядоверием. К тому времени – к началу 90-х годов, несмотря на популярность лекций Александра Меня и возникновение сравнительно массового интереса к трудам Павла Флоренского, Владимира Соловьева, и эти авторы, и другие представители «несоветского» подхода к православному христианству, вошедшие в анналы истории церкви, подвергались более или менее откровенному ostracism со стороны официальной РПЦ МП. В то же время, начинала набирать обороты кампания по расширению церковных землевладений и обретению объектов культовой и иной недвижимости. Церковная практика становилась сценичной и расширяла масштабы своего применения, оставаясь при этом, все же, в основном исключительно культовой.

Однако, естественная тяга к удовлетворению формально раскрепощенной религиозности на уровнях общественного и личного сознания требовала все же большего. А может быть, тогда еще иного. Отделенная же по Конституции от государства церковь, продолжающая, тем не менее, выполнять при нем ранее отведенную ей роль, могла обернуться к возрождению христианской культуры, лишь отказавшись от аппаратной сервильности. Наиболее чуткие в религиозном плане и чтущие нормы религиозной морали верующие осознавали это обстоятельство все более ясно. То же самое можно сказать и в отношении тех, кто видел в религиозной нише открывающиеся возможности для карьерного взлета. Поэтому, внутри и вокруг православия возникали напряженности как доктринального, так и социального плана, что привело к образованию определенного количества религиозных организаций, образовавших так называемые альтернативные православные церкви и относительно обособленных религиозных групп внутри самой РПЦ МП. К этому следует добавить еще и огромную массу неверующих и «условно верующих» (непрактикующих) православных, считающих себя причастными к православию по причине того, что они русские по национальности или граждане РФ.

При условии процветания в стране, во все времена общеизвестной склонности к суевериям и иным проявлениям «народной веры», формальная легализация религии в России была воспринята всей этой разнородной массой как легитимация в качестве религиозности абсолютно всех проявлений иррациональных потенций человеческой психики. Благодаря этому с начала 90-х годов пр. ст. в стране наблюдается до сих пор развивающийся интерес ко всевозможным проявлениям непознанного, которые перемешиваются воедино с вульгаризированными религиозными представлениями. Поэтому и во внешних проявлениях православия наиболее притягательными до сих пор остаются элементы магизма, психоманипулятивные феномены, сакрализация останков подвижников (мощей), традиционные и новые мифологемы, вроде ежегодного «аномального явления» при древнем храмовом обряде возжжения Святого огня у Гроба Господня в Иерусалиме.

Религиозность же, как сфера интимного общения с так или иначе персонифицированными идеалами и сущностями духовного плана или как столь же интимное восприятие группового (социального) единства верующих в Боге (во Христе), составляющая суть христианского богообщения и регламентирующая христианский образ жизни, вынужденно маргинализировалась.

В настоящее время в стране существует небольшое количество религиозных общин, образованных вокруг ныне здравствующих ярких личностей. Формально они входят в юрисдикции разных религиозных организаций, в том числе, в РПЦ МП. Но того, что имеется в виду под современным российским православием, ни сами эти группы с их сугубо религиозной направленностью, ни даже усердное социальное служение входящих в них верующих, не определяют. Более того, в глазах абсолютного большинства остальных номинальных православных, эти группы воспринимаются, как в разной степени тяжести «еретические», а иногда и «антицерковные». Поддержанию такого восприятия способствует и официальная РПЦ МП, заинтересованная не столько в ценностях религиозного порядка, сколько в поддержании на должном уровне своего популистского

влияния на население и нужности в этом амплуа светской власти. Возглавляемое ею, тотальное, воспринимаемое всем обществом как данность православие существует как идеологический фон, охватывающий все более широкие сферы общественной жизни. Однако, такие явления, как церковь и церковность, как таковые, здесь давно уже отвечают смыслу ранее заложенных в них понятий.

В результате, говоря о тотальной православной религиозности в современной России, можно определить ее лишь, как супер-этническую или, с натяжкой, как общекультурную. Религиозная вера и иные признаки религиозного опыта входят в такую православную религиозность лишь на правах второстепенного, чисто номинального, имеющего прикладное значение антуража. Прибегая к некоторому гротеску, можно сформулировать такую религиозность фразой «Если мы русские, то это означает - православные». При этом носителям такой религиозности желательно знать, как зовут православного патриарха, принимать крещение и венчаться, посещать храм в пасхальную ночь и уметь осенять себя крестом. Желательно, но вовсе не обязательно, что продемонстрировано одним из наиболее ярких представителей такого православия – московским мэром, заявление которого «в Бога я не верю, но я – православный», давно стало историческим.

Но ощущение (и декларация) принадлежности к православию массы людей, которые не имеют даже начальных религиозных знаний и не являются практикующими православными (не посещающие храмы, не являющиеся участниками таинств и т.д.), а часто оказываются и просто безбожниками, это тоже определенная форма религиозности. Точнее, форма слепой сопричастности к некоей «непознанной», а потому подсознательно сакрализуемой сфере, на сам факт чего возлагаются невысказываемые надежды. Видимыми следствиями такой «православной религиозности» можно считать многие, ставшие давно привычными в России явления: это и крестящиеся в соборах руководители светской государственной власти, и часовни, возведенные на территориях подавляющего большинства военных частей и министерств, молельные комнаты в помещениях органов региональной власти, иконы и хоругви на митингах и шествиях националистов, составление и внедрение в школы учебников «Основы православной культуры» авторства лидера движения «Наши» В. Якеменко и т.п. То есть, православная религиозность, как таковая, общепринята, а то и полуофициально воспринимается своего рода «целесообразной условностью», вроде былого членства в партии и комсомоле, либо подчеркнутой лояльности к «идеям марксизма-ленинизма» и политике КПСС. Проще говоря, право представлять собою некую туманную «православность», как бы неосознанно делегируется обществом наиболее привычной, находящейся на слуху религиозной организации, наделенной эпитетами «наиболее авторитетной», «исторической», «традиционной» и «государствообразующей» церкви.

Недавно еще достаточно отчетливая граница между секулярностью и религиозностью внутри откровенно секулярного социального пространства, таким образом, вполне заметно стирается. Причем, происходит это не за счет доминирования в обществе «традиционно религиозного» или «традиционно светского» и не с эффектом поглощения одного другим, а в виде своего рода синтеза, в перспективе которого угадывается появление качественно иного, незнакомого еще типа общественного сознания, где религиозное и светское не будут отделены друг от друга. То есть, и религиозное, и секулярное сознание, пройдя сравнительно краткую постмодерную фазу относительно толерантного сосуществования, сливаясь воедино, приступают к мутации, в результате которой может появиться нечто заменяющее их еще невиданное «третье».

Однако, нынешние ожидания появления монстров, вроде «православного фашизма» или «христианских боевиков», который могли бы сопровождать результаты подобного синтеза, основаны, все же, лишь на сиюминутном состоянии исходных «реактивов» - религиозного и секулярного, которые и сами по себе находятся в процессе изменений. Не стоит забывать, что, вероятнее всего, мы становимся свидетелями лишь

первой стадии некоего исторического процесса в самой начальной фазе его опытов, которые в ближайшем будущем могут восприниматься нами все более осознанно и выглядеть не столь рискованными, как сейчас.

По крайней мере, на это позволяет надеяться медленное, но неуклонное пробуждение у людей все более искреннего и горячего интереса к тому, что происходит с ними и с окружающим их миром. Другой вопрос, что в разных обществах это происходит с разной скоростью, где Украина, как убеждаюсь собственными глазами, заметно опережает Россию.

Екатерина ЭЛБАКЯН (Москва, РОССИЯ)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Феномен российской интеллигенции. Вопрос об интеллигенции, ее особой роли в российской цивилизации является одним из наиболее сложных в отечественном обществоведении. Исторический анализ показывает, что с течением времени его значение переосмысливалось. Сам этот термин был введен литератором П.Боборыкиным в 60-е гг. прошлого века. Уже в тот период в определении интеллигенции намечаются два критерия: социально-экономический и социально-этический. Последний берет начало в подходах к интеллигенции народников П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского, исходящих из того, что интеллигент - критически мыслящая личность, то есть, по их мнению, личность, которая борется за определенные социально-этические идеалы. С социально-экономических позиций к анализу интеллигенции подходил Д.И.Писарев, определяющий ее как «мыслящий пролетариат». Данное определение стало особенно употребительным в эпоху распространения марксизма в России.

В России начала второго тысячелетия дискуссии о месте и роли интеллигенции стали столь многочисленны, что трудно перечислить весь спектр оценок и мнений по данному вопросу. В целом их можно свести к двум основным подходам:

а) Интеллигенция - это духовно-нравственная элита общества, отличающаяся как от правящей чиновничьей бюрократии, так и от широкой массы специалистов-профессионалов. При данном подходе социальный статус интеллигенции в достаточной степени размыт, учитывается, в первую очередь, социально-этический критерий.

б) Интеллигенция - массовая социально-профессиональная группа (прослойка) общества, имеющая определенный и четкий социальный статус. Подобный взгляд на интеллигенцию традиционен и в целом остается в рамках марксистской парадигмы, когда во главу угла ставится социально-экономический критерий. Он был господствующим в советский период, когда место и роль интеллигенции в обществе оценивались, в первую очередь, исходя из ее особых функций в общественном производстве. Этот подход к интеллигенции требует ее определения с точки зрения лишь социальной структуры общества как группы людей, занятых преимущественно умственным трудом. Не умаляя важности такого взгляда на проблему, все же хочется дополнить его, вводя критерий нравственно-этических позиций и характеристик личности при отнесении ее к социальной группе интеллигенции.

Для объективной характеристики интеллигенции одного лишь рассмотрения ее внешних функций - участие в духовном производстве, создании, распространении и хранении духовных продуктов и т.п. - не достаточно. Необходимо обратиться к внутренним свойствам этой социальной группы, описывающим ее нравственный облик, определенные этико-психологические черты, свойственные интеллигенции и отличающие ее от других социальных групп.